

ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ БОЛИ («Баллада Екатерининской больницы» А. Лысова)

Баллада «Боли больной» была напечатана в первой стихотворной книге А. Г. Лысова «Сорокодум» (2000). В свое время баллада поразила культуролога Георгия Гачева и литературоведа Алексея Павловского, назвавшего ее «одним из несомненных шедевров русской поэзии»¹.

То, что «Баллада Екатерининской больницы» (а именно таков подзаголовок стихотворения) перепечатана и во второй поэтической книге Лысова – «Косиножка» (2004), наводит на мысль о том, что это произведение является определенной смысловой и эмоциональной осью художественного космоса поэта. В частности, оно удачно вписывается в ткань второй стихотворной книги А. Г. Лысова и тематически, и композиционно. В аннотации к «Косиножке» указано: «книга разделена на две равные части: в одной превалирует лирика, философские и космогонические раздумья автора, стихотворения на сказочные и библейские сюжеты, в другой – юмористическая поэзия, озорные стихи, “блудные баллады”, словесные опыты поэта». «Боли больной» является органичной составляющей первой – философской – части книги. Более того, А. Павловский считает, что «Баллада Екатерининской больницы»

«является центром» как в «Сорокодуме», так и в «Косиножке»².

Обширное поле для интерпретации предоставляют название стихотворения и его подзаголовки. Заглавие несет в себе два варианта прочтения: «Бóли больной» или «Болú больной». Если анализировать вариант заголовка – «Болú больной», то в нем можно расслышать ритм своеобразной детской песенки или считалки, что соотносится с принципами построения заглавного стихотворения второй книги Лысов – «Косиножка», жанр которого определен автором как «потешка». Помимо этого, на мой взгляд, в этой вариации заглавия различимы ритмическая и тематическая отсылки к заговору или ведовству.

Иная модификация названия («Бóли больной») дает толчок к иным формам осмысления. Тут нелишне обратиться к парадигме определений, соотносимых со словом «боль». Условно говоря, «боль» может быть «легкой», «терпимой», или же, наоборот, – «нестерпимой», «невыносимой». Такая же формула, как «Бóли больной», ставит нас перед определенной «запредельностью». Это даже не просто «запредельная боль», это – нечто за пределами болевого барьера, за пределами того, что человек может выдержать.

Как утверждает А. Павловский в предисловии к «Косиножке», стрелка стиха Лысова «не указывает на север или юг – она всегда

¹ См.: Гачев Г. Д., ««Неба Атеева тяга...» (Боль и мысль: стихи Александра Лысова)», *Лысов А., Сорокодум (лирическое пятикнижие)*, Вильнюс, 2000; Павловский А., «“Из ожога выпала строка...”. О прежних и новых стихах Александра Лысова», *Лысов А., Косиножка (новые стихи)*, Вильнюс, 2004., с. 9.

² Павловский А., *Указ. соч.*, с. 9.

указывает на Боль»³. «Боль» – ключевое слово рассматриваемой баллады. Подтверждение этому есть и в подзаголовке, где слово «больница» выделено разрядкой. Таким образом, в заголовочном комплексе, предшествующем собственно тексту, обнаруживаются три однокоренных слову «боль» слова (или четыре, если принять во внимание эпиграф из Б. Пастернака: «О Господи, как совершенны / Дела твои, – думал больной...»).

Анализируя стихотворение, я буду использовать знакомую до боли (да простится мне каламбур!) категорию «бинарная оппозиция». На мой взгляд, такая оппозиция просматривается в этом стихотворении очень четко. Двумя ее составляющими являются «забвение» и «бодрствование». При этом «забвение» имеет положительную коннотацию, в то время как «бодрствование» воспринимается отрицательно. Эта конструкция присутствует уже в первых строках стихотворения:

*Лежим в гангренозной палате,
Отходит наркотик к утру.
И серые трупные пятна
Теснятся в рассветном углу⁴.*

«Забвение» здесь определяется посредством слова «наркотик». Позиция «бодрствования» закреплена понятием «рассвет», которому соответствуют «серые трупные пятна». Данная оппозиция сохраняется на протяжении всего стихотворения. Логически ее можно продолжить как развертывание противопоставления «ночь – день»: «Под ночь мы, как в облаке плыли, / И боль отступала волной...», но: «И в солнце всходящее мира / Я крикну: “А мне всех больней!”». Своей вершины эта оппозиция достигает, когда

появляющемуся в момент «забвения» образу Бога противопоставляется «боль». При этом не просто «боль», а «Боль» с большой буквы – слово, созвучное и «сографичное» слову Бог:

*Под ночь мы, как в облаке плыли,
И боль отступала волной,
Взывали:
«О Господи, ты ли,
Сквозь стены приходишь за мной?»*

*Но вот отлетает наш ангел,
Нас низжет бездонная Боль.
И раны теснит океаном
Нудящий бессонный прибой.*

Если попытаться изобразить данное стихотворение графически, то это будет своеобразная «волна», где положению «забвения» соответствует подъем, гребень волны («...как в облаке плыли», «Вновь в облаке радужной пыли / Всплывем мы за душевной волной...»), а «бодрствованию» – спуск в глубину («Нас низжет бездонная Боль», «Глоток смоляного чефира / Развяжет слабину на дне...»). Отмечу, что «бездонность» боли соотносится с ее запредельностью. Если боль – это дно, значит то, что ниже дна – «бездонное» – больнее боли.

Чтобы показать, каким образом этот «волнообразный» принцип реализуется в «Балладе Екатерининской б о л ь н и ц ы», необходимо акцентировать то, насколько важную роль в стихотворении играет образ «тела». Несмотря на то, что это слово даже не появляется в тексте, именно через ощущения «тела» мы видим выход из «наркотического облака», муки бодрствования и новый уход в забвение. В этом случае художественно значимой является градация синонимов боли. Начало стихотворения – это еще состояние хрупкого покоя. Нельзя сказать, что боль здесь отсутствует совсем, но все же, по всем признакам, здесь еще не сама боль «во плоти», а лишь ее предчувствие. Она еще побеждена «наркотиком». Первые проявления боли выражены строками тре-

³ Там же, с. 7.

⁴ Здесь и далее цитирование по: Лысов А., Косиной (новые стихотворения), Вильнюс, 2004 г., с. 25–27.

твѣй строфы: «И раны теснит океаном / Нудящий бессонный прибой». Далее ощущения усиливаются – следует «нескончаемая г р ы з ь». В пятом же четверостишии как бы начинается быстрый скользящий спуск в боль, в то, что «больнее боли». Точкой отсчета этого момента становится фраза: «А мне всех больней!». Следующие четыре строфы репрезентируют это скольжение, которое набирает силу и скорость, «жалкий клик» обобщается «криком», «кличем», «клетотом»:

*Опешив от жалкого клика,
Мне то же – сосед отхрипит:
Палата распахнута криком,
И боль коридором летит.*

*– А мне всех больней! –
мы отпляшем,
Зглушим бессонный прибой:
Один с распаханной ляжкой,
Другой – с свежеснятой стопой.*

*И клич наш – от двери до двери –
Поднимет больную орду.
И сами мы зову не верим,
Но клетотом множим беду.*

*Сквозь стены мольбе не пробиться:
На белой туннельной трубе
Играет поверку больница
И счет предьявляет судьбе!..*

И все-таки боль в стихотворении не бездонна. Скорее «бездонны» мысли о ней, страх и предчувствие того, что, кажется, невозможно пережить. В физических же ощущениях тела боль имеет свой предел, свое дно. Когда субъект стихотворения достигает этого предела, он обретает некоторую стабильность и способен даже на отстраненный и фиксирующий взгляд на то, что происходит вокруг него:

*... Бежит в раскорячку сестренка,
Спросонок трезвеющий врач, –
Начнется сейчас работенка...
<...>
Вокруг сатанеет больница,
Кромешный разъехался шов:*

*И вводит поспешно сестрица
Нам в вены забвенную кровь.*

Лирическому субъекту удается даже давать оценочные суждения, которые, впрочем, проходят исключительно сквозь призму все той же боли:

*Врачуга, конечно, он – крючник,
Владелец управы тупой,
Но нынче ему несподручно
Хвататься за первый топор.*

Итак, мы видим, что «падение в боль» прекратилось. Далее образно и мотивно стихотворение развивается как подъем над уровнем боли, начиная со строк: «И вводит поспешно сестрица / Нам в вены забвенную кровь». Таким образом, условно говоря, стихотворение заканчивается на том же уровне «забвения», на котором оно и брало свое начало:

*Вновь в облаке радужной пыли
Всплывем мы за душной волной,
И взмолимся:
«Господи, ты ли
Сквозь стены приходишь за мной?!»*

*И с прежним страданьем разъяты,
В другую погрузимся мглу...
Лишь солнца кровавые пятна
Проступят в рассветном углу.*

Если принять во внимание первую строфу баллады и сопоставить ее с выше процитированной последней, можно утверждать, что стихотворный круг замкнулся. Как я уже упоминал, согласно основной бинарной оппозиции этого произведения, двумя диаметрально противоположными векторами этого круга являются Бог и Боль (с большой буквы). В балладе эти два понятия сопоставимы, если не тождественны. Центральной же точкой этого круга, точкой, находящейся между Богом и Болью, является Человек во всей совокупности духовных и физических ощущений.

Виктор Денисенко